

Микаэл Золян

Микаэл Золян – политолог и историк из Еревана. Он получил степень бакалавра в Ереванском государственном университете, а степень магистра в Центрально-Европейском университете в Будапеште. В 2005 М. Золян защитил кандидатскую диссертацию на кафедре Этнологии Факультета истории Ереванского государственного университета и получил степень кандидата исторических наук. В 2008 М. Золян прошел стажировку в Калифорнийском университете в Лос Анджелесе (UCLA). Основная сфера научных интересов – исследования национализма, этничности и этно-политических конфликтов, в частности вопросы соотношения исторической памяти и национальной идентичности.

Введение: теоретические соображения

Существует подход к урегулированию нагорно-карабахского конфликта, который можно назвать “геополитической парадигмой”. Логика этого подхода предполагает, что перспективы урегулирования конфликта зависят не столько от самих участников/игроков в регионе, то есть, Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха, сколько от глобальных и региональных сил. Согласно этой точке зрения, ключ к разрешению конфликта находится не в самом регионе, но за его пределами, и зависит от отношений между крупными державами, а не от внутренней ситуации в армянском, азербайджанском и нагорно-карабахском обществах. По логике такого подхода конфликт можно будет решить, когда между глобальными и региональными игроками сформируется консенсус о том, как надо подходить к конфликту, после чего этот консенсус будет навязан самим сторонам конфликта. Как это ни парадоксально, эта точка зрения, занижающая важность местных игроков, очень часто выдвигается представителями местных элит, которые возлагают свои надежды на давление, которое должно оказывать

международное сообщество (или Россия, ЕС, Турция и прочие) на другую сторону для того, чтобы принудить ее к уступкам.

Я не ставлю под сомнение тот факт, что геополитические соображения и расстановка глобальных и региональных сил влияют на развитие событий в регионе. В то же время сама идея того, что ключом к урегулированию нагорно-карабахского конфликта является консенсус между ведущими державами, представляется мне проблематичной. Даже если оставить в стороне сомнительные морально-нравственные последствия такого подхода, он едва ли полезен и с чисто прагматической точки зрения. Хотя такого рода мышление обычно предстает в облики риторики *realpolitik*, политики возможного, времен холодной войны, его исходные посылки имеют мало общего с действительностью. Трудно себе представить, что ключевые игроки на Южном Кавказе, то есть, США, Россия, Турция, ЕС и Иран, смогут достичь устойчивого консенсуса по вопросу урегулирования нагорно-карабахского конфликта в обозримом будущем. У каждого из этих игроков есть свои собственные интересы в регионе, очень часто идущие вразрез с интересами других сторон. Эти игроки имеют достаточно ресурсов, чтобы дестабилизировать регион и саботировать любое решение, противоречащее их интересам. Даже если между ведущими державами в какой-то момент в будущем возникнет консенсус, он вряд ли сохранится, и как только он даст первые трещины, новая ситуация будет использована стороной, не довольной его результатами. Именно поэтому любое решение конфликта, которое будет разработано ведущими державами и навязано сторонам конфликта, не только не является устойчивым, но представляет собой потенциальную бомбу замедленного действия. Что особенно важно, ‘геополитическая парадигма’ игнорирует важность внутренней динамики местных обществ. Устойчивого урегулирования конфликта можно достичь только в том случае, если произойдет фундаментальная трансформация местных обществ и если изменится сама природа отношений между армянами и азербайджанцами. Как показывает опыт примирения многих бывших “смертельных врагов” в разных уголках Европы, такое примирение не является несбыточной

мечтой идеалиста. Тем не менее, пока таких изменений внутри самих обществ не произойдет, любая модель урегулирования армяно-азербайджанского конфликта может оказаться опасной иллюзией.

‘Геополитическая парадигма’ приводит нас к тому, что можно назвать “подходом сверху вниз”, то есть, к идее о том, что урегулирование может быть выработано представителями правящих элит, а затем навязано обществу. Разумеется, для выработки компромиссного решения лидеры должны проявлять политическую волю и смелость. Однако, подобный компромисс имеет шансы на успех только в том случае, если в широких слоях общества существует спрос на компромиссы. Можно представить себе ситуацию, когда сторонники компромиссов будут широко представлены по крайней мере среди влиятельных сегментов общества – политических лидеров, чиновников, бизнесменов, сообщества экспертов, НПО и других. К сожалению, текущая ситуация в Армении и Азербайджане очень далека от такого состояния дел. Наоборот, голоса, призывающие к компромиссу, тотчас же подвергаются маргинализации и получают клеймо “предателей” как со стороны проправительственной пропаганды, так и со стороны общественного мнения.

Разумеется, можно возразить, что поскольку ни Армения, ни Азербайджан не являются действенными демократиями,¹ позиция широких слоев населения не так важна, как позиция элит. Необходимо отметить, что согласно этой логике, правительства могут заниматься обманом собственного народа, что допускает и подавление инакомыслящих у себя в стране. Другими словами, это означает, что демократия и права человека приносятся в жертву урегулированию конфликта. Даже если мы опустим моральные последствия таких действий, проблема подобного подхода в том, что он, скорее всего, просто не даст желаемого результата.

В Армении позиция правительства уже чрезвычайно неустойчива после спорных результатов выборов 2008 года. Хотя до сих пор оппозиция заявляла о своей поддержке компромисса по нагорно-карабахскому вопросу, как внутри оппозиции, так и внутри всего общества наблюдается общая тенденция к радикализации. Логика политического процесса

в Армении свидетельствует о том, что оппозиции либо придется выступить против возможных уступок правительства, либо потерять большую часть своих сторонников, которые примкнут к более радикальным силам. В контексте финансово-экономического кризиса можно с уверенностью предположить, что армянское правительство, даже если оно этого захочет, не сможет навязать обществу договор, который, по мнению общества, содержит далеко идущие уступки Азербайджану. Наоборот, такие попытки могут быть чреваты довольно катастрофическими последствиями для самого правительства, как это было в 1998 году. Что же касается Азербайджана, позиция сегодняшнего правительства представляется гораздо более стабильной и почти не оспариваемой. Тем не менее, как замечает Томас де Ваал,² воинственная риторика азербайджанских властей поставила их в ситуацию, в которой им будет чрезвычайно трудно “продать” компромисс своему обществу.

Существует еще один фактор, который ставит под сомнения надежды на то, что правительства Армении и Азербайджана будут готовы защищать позицию компромисса перед лицом своих обществ: многие годы неурегулированный конфликт являлся источником легитимности для правящих политических элит. Ситуация “ни войны, ни мира” служила способом легитимизации “отсутствия демократических свобод и необходимости авторитарных методов правления”. Представление другой стороны в образе “смертельного врага”, всячески подкрепляемое правительственной пропагандой, использовалось для обеспечения поддержки правящей элиты широкими слоями населения. Критики и противники правительства награждались клеймом “предателей”, а их действия характеризовались как угроза “единству”, абсолютно необходимому в борьбе с врагом. В отсутствие четкой политической идеологии этот дискурс превратился в главный инструмент легитимизации политических элит как в Армении, так и в Азербайджане. Для того, чтобы “продать” компромисс своим обществам, элитам потребуется отказаться от или по крайней мере пойти на изменение идеологических основ собственной власти, чего они вряд ли допустят.

Методологические ошибки, характерные для так называемого подхода “сверху вниз”, привели и к исключению из мирного процесса

1 В обзоре “Свобода в мире” организации Freedom House за 2008 Азербайджан попал в список “несвободных” стран; Армения оказалась в списке “полусвободных”, хотя по сравнению с предыдущим годом ее рейтинг упал (А. Паддингтон “The 2008 Freedom House Survey” в публикации Journal of Democracy, апрель 2009, том 20, номер 2).

2 Томас де Ваал, Карабахская западня: угрозы и дилеммы нагорно-карабахского конфликта, Ресурсы примирения, 2009, стр. 7; <http://www.c-r.org/our-work/caucasus/documents/Nagorny-Karabakh-report-AW.pdf>

представителей Нагорного Карабаха. В задачи данного исследования не входит обсуждение справедливости включения представителей Степанакерта в мирный процесс с моральной или правовой точки зрения. Гораздо важнее, по-моему, посмотреть фактам в глаза: Нагорно-Карабахская республика, даже не будучи признанной международным сообществом, является самостоятельной политической единицей, на деле контролирующей территорию Нагорного Карабаха и обладающей легитимностью в глазах населения, которое проживает там в настоящее время. Поэтому, даже оставив в стороне моральный и правовой аспекты этого вопроса, с чисто прагматической точки зрения, участие руководства Нагорно-Карабахской республики в мирном процессе чрезвычайно важно, так как любое соглашение, достигнутое без такого участия, вряд ли можно будет претворить в жизнь. В настоящее время НКР является самостоятельным игроком, со своими собственными интересами и своими инструментами влияния на политический процесс. Хотя армянское руководство несомненно имеет немалое влияние на процесс принятия решений в Нагорном Карабахе, у этого влияния есть свои пределы, ибо, по внутривосточным причинам, ни одно правительство Армении не может позволить себе открытой конфронтации с руководством НКР. Как показал ход событий в конце 1990-х годов, отсутствие поддержки со стороны Нагорного Карабаха может дорого обойтись правящей элите Армении, тем более, если это происходит на фоне политического кризиса и низкого уровня легитимности.

Еще один вопрос, который нередко поднимают в связи с форматом мирного процесса, касается участия представителей беженцев. Подробное обсуждение формата представительства беженцев и ВПЛ в рамках мирного процесса неизбежно уведет нас от главных задач данного исследования. Тем не менее, важно отметить, что, как мне кажется, было бы желательно предусмотреть какой-то механизм, который позволил бы беженцам каждой из сторон высказать свое отношение к мирному процессу. Я совершенно уверен, что мирный процесс не может считаться полноценным, если он не создает возможностей для беженцев и ВПЛ, независимо от их национальной принадлежности, свободно определять собственное будущее. В то же время, когда речь идет о переговорах и принятии решений, важно проводить различие между участниками, которые, вне зависимости от международного признания, явно обладают всеми характеристиками политической единицы (к примеру, Нагорно-Карабахской республикой) и игроками, не имеющими такого потенциала.

15 лет перемирия

Во многом конфликт вокруг Нагорного Карабаха похож на другие вооруженные конфликты. Но есть и одно отличие: соглашение о прекращении боевых действий, за которым не последовало дальнейших политических шагов, соблюдается сторонами уже в течение 15 лет, несмотря на отсутствие международных миротворцев и гарантий безопасности. Этот факт очень часто недооценивается.

Пример нагорно-карабахского конфликта является веским аргументом как для сторонников, так и для оппонентов “замораживания” конфликтов. Неурегулированный конфликт мешает развитию Армении и Азербайджана почти во всех важных сферах жизни – от экономики до прав человека и демократии, и превращает страны Южного Кавказа в пешек в геополитических играх ведущих держав, соревнующихся между собой за влияние в регионе. По обе стороны конфликт оборачивается огромными человеческими страданиями, будь то страдания беженцев, лишившихся своих домов и своего имущества, или страдания населения приграничных областей, живущего в постоянном страхе нового кровопролития. Каждый год от нарушения соглашения о прекращении огня гибнут десятки молодых людей, азербайджанцев и армян. Ситуация “ни войны, ни мира” порождает страх, ненависть, нетерпимость и агрессию.

В то же время, хотя сторонам приходится платить дорогой ценой за сегодняшний статус-кво, цена новой войны будет гораздо выше. К счастью, политические элиты региона осознают этот факт, и именно это понимание до сих пор не допускало нарушения перемирия. Несмотря на то, что стабильность этого перемирия не раз подвергалась испытанию на прочность различными инцидентами на границе и несмотря на непрекращающуюся пропагандистскую войну, сторонам удалось избежать широкомасштабного вооруженного противостояния в то время, когда европейский континент - от Балкан до Северного Кавказа и Ближнего Востока - потрясли катаклизмы. На фоне такой нестабильности баланс сил, который сложился к середине 1990-х внутри и вокруг Нагорного Карабаха, оказался гораздо более устойчивым, чем предполагали многие. Таким образом, с одной стороны, статус-кво дорого обходится всем сторонам конфликта, и поэтому чрезвычайно важно предпринимать все усилия для поиска политического урегулирования конфликта. С другой стороны, поспешные и плохо просчитанные шаги в процессе урегулирования могут нарушить хрупкий баланс и привести к нежелательным последствиям для всех сторон конфликта.

Недавние события вокруг Косово, Абхазии и Южной Осетии могут в потенциале привести к серьезным изменениям в сложившейся ситуации. Весьма важным моментом в региональном развитии стала попытка нормализации армяно-турецких отношений, в результате которой стало меняться отношение турецкого общества к Армении и армянам, а позиция армянских элит по отношению к Турции стала более прагматичной. И, наконец, если новые тенденции в политике США по отношению к России и Ирану сохранятся, они смогут стать ключевым фактором стабильности на Южном Кавказе и сыграть положительную роль в нагорно-карабахском мирном процессе. Кроме того, изменение внешнеполитического вектора США может послужить позитивным примером для армянских и азербайджанских политических элит, до последнего времени полагававшихся на “грубую силу” и делавших упор на военный потенциал, дипломатический прессинг и экономические санкции в ущерб переговорам и диалогу.

Сценарии

Оптимистический сценарий

Это самый оптимистический сценарий, в котором все участники ведут себя ответственно, а международная и внутренняя ситуация в странах, вовлеченных в конфликт, благоприятствуют мирному урегулированию. Он может показаться почти что “утопией”, так как шансы на то, что все эти факторы сложатся столь благоприятным образом, не так уж высоки. Там не менее, полезно иметь представление о том, как могли бы обернуться события в “идеальном мире”.

Я не собираюсь обсуждать здесь подробности самого соглашения, которое должно быть подписано сторонами конфликта, так как это не входит в задачи данной статьи. Более того, “мадридские принципы”, которые сегодня обсуждаются за столом переговоров, пока не доступны широкой общественности, так что любое обсуждение этих принципов будет строиться на предположениях и гипотезах. Кроме того, мадридские принципы, хотя и находятся вне досягаемости общественности, уже завоевали себе плохую репутацию у многих армян и азербайджанцев в результате утечек в СМИ и всякого рода домыслов. В любом случае среди экспертов сложился своего рода консенсус по поводу того, какой может быть реалистичная модель компромисса.³ Армения

и Нагорно-Карабахская Республика никогда не примут такой вариант урегулирования, который предполагает контроль Азербайджана над Нагорным Карабахом. Так же для Армении и Нагорно-Карабахской Республики вопросом жизненной необходимости является обеспечение наземных коммуникаций между двумя государствами. В свою очередь Азербайджан готов сделать все возможное для возвращения территорий, окружающих Нагорный Карабах. Если будет достигнут компромисс, он должен учитывать эти реалии. Главное, что какими бы ни были конкретные детали компромисса, это соглашение должно получить одобрение не только лидеров Армении и Азербайджана, но и руководства Нагорно-Карабахской Республики.

Разумеется, как часто говорится, “черт кроется в деталях”. В настоящее время в представлении политических элит Армении, Нагорного Карабаха и Азербайджана потенциальная цена урегулирования конфликта гораздо выше потенциальной выгоды от него. В то же время верно и то, что они не заинтересованы в вооруженной эскалации: и здесь потенциальные риски слишком велики. Ясно, что с точки зрения “затрат и выгод” (преимуществ и недостатков) для местных политических элит ситуация “ни войны, ни мира” и продолжение процесса переговоров без каких-то конкретных результатов представляют собой наилучшее сочетание. Для того, чтобы двигаться вперед, необходимо изменить восприятие соотношения “преимущества-недостатки” местными элитами. Этого можно достичь при помощи внутренних и внешних механизмов влияния на элиты. Внутренние изменения станут возможными, если произойдет изменение в общественном мнении и возникнет широкий спрос на мир и компромисс. В таком случае местные элиты окажутся под давлением общественности, или, по крайней мере, в ситуации, когда внутренние риски, ассоциирующиеся у них с компромиссом, будут относительно небольшими. Что же касается внешних механизмов, они подразумевают активную дипломатию “кнута и пряника” со стороны международного сообщества. На практике это означает осуждение таких аспектов поведения местных элит, как воинственная риторика, язык вражды, пропагандистские войны и попытки ограничения гражданских контактов. Это также подразумевает поощрение элит через применение экономических преференций, программ помощи, инвестиций и участия в процессах интеграции. Важно чтобы внутренние и

3 Как пишет Уэйн Мерри в недавнем исследовании: “Общие очертания урегулирования были ясны на протяжении последних пятнадцати лет... Армения получает Карабах и сухопутный коридор в Армению, в то время как Азербайджан получает окружающие низменности. Это не вопрос справедливости, правых и виноватых, а неизбежная и важная формула мира.” У. Мерри. “Карабах: неизбежна ли война?” 22.05.09, <http://www.opendemocracy.net/russia/article/is-war-inevitable>.

внешние процессы такого рода шли рука об руку, иначе мы можем вновь оказаться заложниками подхода “сверху-вниз”.

Подвижки в процессе переговоров создают позитивную динамику “самопринуждения”. Прогресс в мирном процессе стимулирует прогресс в экономических и гражданских связях, что в свою очередь положительно влияет на мирный процесс. Открыты коммуникации, возрождается и растет прямая торговля между Арменией и Азербайджаном, в течение многих лет осуществлявшаяся посредством третьих сторон. Азербайджанская территория становится транзитным коридором для связей Армении с Россией, в то время как армянская территория дает Азербайджану возможность транзита в Нахичевань и дальше в Турцию. Возобновляют работу существующие железнодорожные сообщения, соединяющие Армению, Азербайджан, Турцию и Иран, и стимулируя дальнейшее развитие экономического сотрудничества. Меняется отношение правительств к контактам между группами гражданского общества; все стороны поощряют контакты и диалог на уровне гражданского общества, которые ведут к серьезным изменениям подходов внутри обществ.

Все эти изменения происходят на фоне благоприятной международной обстановки. Так называемая политика “перезапуска” российско-американских отношений дает плоды, в результате чего начинается сотрудничество России и США на Южном Кавказе. США успешно налаживают конструктивный диалог с Ираном, на политической арене которого закрепляются умеренные силы. Южный Кавказ - расположенный между Европой и Ираном, начинает играть роль посредника в диалоге Ирана с Западом.

Соглашение вокруг Нагорного Карабаха снимает остроту в соперничестве России и Запада на Южном Кавказе. Россия признает полноправное участие Армении и Азербайджана в “восточноевропейском партнерстве” и их дальнейшую интеграцию с ЕС, в обмен на гарантии того, что ни та, ни другая страна не будут вступать в НАТО в обозримом будущем. ЕС, вдохновленный произошедшими в регионе изменениями, осуществляет значительные инвестиции в такие области, как экономика, инфраструктура и развитие гражданского общества. Россия, уже сегодня имеющая важные экономические интересы в Армении, использует

новую ситуацию для того, чтобы продвигать свои экономические интересы в Азербайджане и восточной Турции. Соперничество между Россией и Западом в этом регионе переносится из политической и военной сфер в экономическую, что облегчает приток инвестиций в местные экономики. Этот позитивный климат благоприятно влияет на динамику грузино-российских отношений. Южный Кавказ вступает в 2014 год как более стабильный и безопасный регион, регион с динамично развивающейся экономикой, с балансом в отношениях со всеми ведущими державами и новой глобальной ролью моста между Западом, Россией и Ираном.

Пессимистичный сценарий

В отличие от предыдущего сценария данный сценарий следует принципу “происходит все худшее, что может произойти”. Известно, что пессимистичные прогнозы будущего нередко имеют тенденцию превращаться в “самореализующиеся пророчества”. Но куда более опасно игнорировать перспективы возможного ухудшения обстановки.

“Размораживание” конфликтов может привести либо к мирному урегулированию, либо к новой эскалации. После “революции роз” некоторые эксперты предупреждали грузинское руководство о том, что размораживание конфликтов в Абхазии и Южной Осетии сопряжено с серьезными рисками и может привести к новому вооруженному противостоянию.⁴ Очевидно, что ситуация вокруг Нагорного Карабаха радикально отличается от ситуации в Абхазии и Южной Осетии. Тем не менее, трагическая реальность российско-грузинской войны является важным напоминанием о том, что “размораживание конфликтов” может привести к эскалации.

В пессимистичном сценарии определенная модель урегулирования конфликта, возможно, имеющая отношение к “мадридским принципам”, навязывается сторонам региональными державами и международным сообществом. Под давлением России и США и при поддержке ЕС и Турции Армения и Азербайджан подписывают соглашение. Это соглашение содержит немало опасных в своей “неопределенности” положений, которые каждая из сторон может интерпретировать по-своему. В частности это проявляется в том, что касается идеи “отложенного самоопределения”, то есть предложения о том, чтобы статус Нагорного Карабаха был решен в будущем народным

4 М. Салдадзе. Размораживание конфликта в Цхинвали – продолжение или провал революции роз?. Центральная Азия и Кавказ, 5 (35), 2004.

голосованием.⁵ Представители Нагорного Карабаха исключены из мирного процесса, что серьезно вредит легитимности процесса в восприятии Нагорного Карабаха и Армении. Руководство НКР отказывается признать это соглашение. В конце концов, под давлением Еревана оно соглашается признать его главные положения, но, в результате расхождений во мнении между Ереваном и Степанакертом, внутренний авторитет армянского правительства серьезно подорван. Правительство в Ереване, которое повсеместно воспринимается населением в качестве “предателей” и “пораженцев”, теряет народную поддержку, но не только ее - оно теряет поддержку влиятельных силовых структур. Оппозиция расколота на тех, кто выступает за поддержку компромиссного решения, и тех, кто выступает против сделанных уступок. В конце концов радикальная часть оппозиции, противница компромисса, неожиданно формирует коалицию с ранее маргинальными националистами и влиятельными силовиками. Правительство разваливается под давлением радикалов, которые формируют новое правительство, полностью отвергающее политику “комплиментарности”⁶ и дистанцирующееся от ЕС и США. Процесс нормализации армяно-турецких отношений останавливается на неопределенное время.

В Азербайджане оппозиция, а также отдельные элементы правящего режима пытаются “оседлать” негативную рекацию общественности на компромиссное соглашение для того, чтобы подорвать позицию правительства, но властям удается подавить инакомыслие. Тем самым авторитарный режим укрепляет свои позиции, остатки демократической оппозиции подвергаются еще большей маргинализации, СМИ и гражданское общество испытывают все более жесткие ограничения своей деятельности. Ухудшающаяся ситуация с правами человека приводит к еще большему напряжению в отношениях с европейскими институтами и заставляет элиты искать сближения с Россией, куда менее разборчивой в том, что касается демократических свобод.

В то же время претворение в жизнь соглашений сталкивается с серьезными трудностями. Во время размещения миротворческого контингента из европейских стран происходит ряд провокаций по “линии соприкосновения с противником”. Армения и Азербайджан обвиняют в провокациях

друг друга, в то время как НАТО ищет виноватых среди сил безопасности Ирана. Возвращение беженцев приводит к нарастанию напряжения, связанному со сведением старых счетов и имущественными конфликтами. Напряжение перерастает во вспышки насилия, с которыми не могут справиться международные миротворцы. После того, как полк европейских миротворцев попадает в засаду и несколько миротворцев гибнут при загадочных обстоятельствах, европейские страны начинают вывод своих миротворцев из зоны конфликта. Возникший вакуум заполняют армии сторон конфликта. Конфликт перерастает в полномасштабную войну. По другому варианту пессимистического сценария эскалация возникает в результате туманного положения о “решении будущего Нагорного Карабаха результатами народного голосования”. Власти НКР проводят референдум по вопросу независимости, результаты которого Азербайджан отказывается признавать на основании собственной интерпретации “народного голосования”. На фоне новой волны радикализма у каждой из сторон, связанной с этими разногласиями, происходит эскалация конфликта по похожему сценарию.

Неспособность западных миротворцев предотвратить вооруженное столкновение оставляет Россию в качестве единственного игрока в регионе, способного повлиять на развитие конфликта. При посредничестве России заключается перемирие, которое поддерживается силами миротворцев при доминирующей роли России. Армения оказывается в полной изоляции и зависимости от российской военной и политической поддержки. В свою очередь Азербайджан тоже вынужден согласиться на российское военное присутствие на своей территории и выйти из новых энергопроектов в обход России. Армения, Нагорный Карабах и Азербайджан вступают в новый 2014 год ослабленными войной, с закрытыми границами, с нарастающими авторитарными тенденциями и ограниченным государственным суверенитетом.

Сценарий “статус-кво”

Другой вариант развития событий представляет собой провал переговоров и возврат к ситуации “замороженного конфликта”. Это уже имело место в нагорно-карабахском мирном процессе после встречи в Ки Весте в 2001 году, - и может произойти вновь. Это может случиться

5 Ереван и Степанакерт трактуют это голосование как референдум по вопросу независимости, который должен будет проводиться в Нагорном Карабахе, в то время как Баку настаивает на своей интерпретации народного голосования как плебисцита по определению степени автономии Нагорного Карабаха внутри Азербайджана.

6 Суть политики “комплиментарности” заключается в развитии отношений с Западом при сохранении при этом военного и политического альянса с Россией.

под воздействием двух ключевых факторов: изменения более широкого гео-политического контекста и неготовности армянского, азербайджанского и нагорно-карабахского обществ к настоящему компромиссу и примирению.

Многие политические эксперты сходятся во мнении, что участие ведущих глобальных и региональных игроков в процессе урегулирования нагорно-карабахского конфликта поставило успех этого процесса в зависимость от отношений между этими ключевыми силами. Хорошо известно и то, что эти игроки нередко имеют разновекторные интересы как в глобальном смысле, так и в регионе. Хотя сегодня, по-видимому, сложился определенный консенсус между Россией, Западом и Турцией по вопросу нагорно-карабахского мирного процесса, этот консенсус нельзя считать устойчивым. Во-первых, он исключает Иран, важного глобального и регионального игрока, имеющего в своем распоряжении достаточно инструментов для того, чтобы блокировать процессы, происходящие вблизи от его границы, – если он сочтет их вредящими его интересам. Кроме того, легко представить, как может испариться консенсус между Западом и Россией, когда дело дойдет до конкретных деталей, таких, как состав, количество и мандат миротворческого контингента. Кроме того, отношения между Россией и Западом продолжают оставаться напряженными во многих областях (например, в вопросе вступления Украины и Грузии в НАТО), так что новый кризис в их отношениях может серьезно повредить Нагорному Карабаху. Остается спорным и вопрос о том, могут ли гарантии безопасности, предоставленные совместно конкурирующими силами, стать основой устойчивого мирного процесса.

Тем не менее, даже если “идеальная модель” соглашения будет выработана посредниками и представлена сторонам, этого может быть не достаточно. Успешный мирный процесс нуждается в еще одном обязательном условии, которое сегодня отсутствует: готовности самих обществ к компромиссу. Отсутствие функционирующих демократических институтов и низкий уровень общественной легитимности правительств Армении и Азербайджана также подрывают потенциал примирения между их обществами.

Учитывая все эти соображения, возможно представить себе следующий ход событий. Стороны не способны достичь компромисса относительно общих принципов урегулирования. Постоянные утечки в СМИ, которые используются каждой из сторон, для того, чтобы представить

себя в качестве “победительницы” за столом переговоров, в конце концов подрывают доверие между участниками переговоров. В то же время новый кризис в Грузии и новая “газовая война” с Украиной приводят к ухудшению отношений между Россией и Западом и наносят удар потенциальному политическому сотрудничеству внутри Минской группы. Тем не менее посредникам удается убедить стороны подписать довольно расплывчатый документ, напоминающий Московскую декларацию: документ, провозглашающий готовность сторон продолжать мирный процесс в рамках ОБСЕ. Хотя такой документ лишен конкретного содержания и многими воспринимается как не более, чем попытка сохранить лицо, он помогает возродить формат Минской группы и помешать новой эскалации конфликта вокруг Нагорного Карабаха.

На этом этапе сценарий “статус-кво” может пойти по двум направлениям. Если “размораживание” процесса урегулирования нагорно-карабахского конфликта так же приводит к остановке в нормализации армяно-турецких отношений, он может привести к развитию сценария, который частично совпадает с обсуждаемым ранее “кошмарным” сценарием. Провал переговоров приводит к мощному националистическому выплеску. Господство националистической риторики и негативных стереотипов мало оспаривается в обоих обществах, в то время как умеренные голоса подвергаются дальнейшей маргинализации и стигматизации. Азербайджанские элиты возвращаются к агрессивной риторике, призывая к военному решению нагорно-карабахского конфликта и провоцируя похожую реакцию со стороны Армении и Нагорного Карабаха. Резко возрастает количество инцидентов в приграничной зоне, что делает вполне реальной угрозу новой войны. Закрытая граница с Турцией и агрессивная риторика Азербайджана не оставляет Армении ничего иного, как полагаться только на политическое и военное сотрудничество с Россией. Элиты Азербайджана, разочарованные неспособностью Запада решить конфликт, пытаются достичь своих целей через переговоры о сделке с Россией. Надеясь заручиться российской поддержкой для получения уступок по Нагорному Карабаху в обмен на пророссийскую позицию в энергетических вопросах, Азербайджан выходит из проекта Набукко. Россия продолжает ловко маневрировать между Арменией и Азербайджаном для того, чтобы максимально увеличить свое влияние в обеих странах. Так как и армяне, и азербайджанцы полагаются на военную мощь и военные альянсы в качестве единственного способа гарантировать свою

безопасность, опасность войны остается очень высокой. Южный Кавказ вступает в 2014 год как еще более опасный регион, чем тот, которым он являлся в 2009 году.

Вторая, более оптимистичная, версия сценария “статуса-кво” предполагает, что отсутствие прорыва в нагорно-карабахском мирном процессе не мешает нормализации армяно-турецких отношений. В таком случае, ход дальнейших событий в каком-то смысле совпадет с оптимистическим сценарием, обсуждавшимся выше. При таком раскладе армянская и турецкая стороны продолжают усилия по нормализации отношений, в то время как Азербайджан не пытается блокировать этот процесс. Хотя общественное мнение Азербайджана по-прежнему настроено враждебно по отношению к этому процессу, международным посредникам удастся убедить азербайджанские элиты, что в долгосрочной перспективе армяно-турецкое примирение может помочь и нагорно-карабахскому мирному процессу. Армянское общественное мнение начинает пересматривать свое отношение к Азербайджану: армяно-турецкая нормализация помогает армянскому обществу избавиться от “осадного менталитета”, сложившегося за годы турецко-азербайджанской блокады. Похожий процесс протекает в Азербайджане, где общество начинает переоценивать некоторые из своих установок: многие азербайджанцы становятся более восприимчивыми к идее диалога или компромисса с армянами по мере того, как процесс армяно-турецкого примирения побуждает людей пересматривать негативные стереотипы и отношение к армянам.

Успех армяно-турецкого диалога создает атмосферу, в которой продолжают развиваться контакты между армянским и азербайджанским обществами, особенно в сфере гражданских инициатив. Эти контакты приводят к разрушению табу и стереотипов и способствуют формированию нового образа мышления по отношению друг к другу. Идея компромисса завоевывает все большую поддержку в обоих обществах, по крайней мере, среди определенных групп, таких, как бизнес-сектор, гражданское общество и интеллектуальные элиты. Позитивные перемены в психологическом климате вокруг Нагорного Карабаха оживляют Минский процесс. Посредники представляют вниманию сторон новый пакет предложений, включающий в себя многие элементы предыдущих предложений (Ки Веста, Мадрида и т.д.) В отличие от предыдущих лет новые предложения посредников выдвигаются в то время, когда в обществах нарастает реальная потребность в компромиссах. К 2014 году армянское и азербайджанское

общества уже находятся в новой стадии мирного процесса, которая, как кажется, ведет к устойчивому и надежному миру.

Заключительные замечания

Хотя в задачи данной статьи не входят конкретные рекомендации о том, что необходимо делать для достижения мирного урегулирования, было бы полезно суммировать определенные соображения, возникшие в ходе изложения.

- Реалистичное и устойчивое решение должно основываться на прагматической оценке ситуации на местах, а не каких-то абстрактных понятиях и идеалистических представлениях о будущем. Поспешные и непродуманные шаги, которые угрожают хрупкому балансу в регионе, могут привести к катастрофическим последствиям.
- Важно принимать во внимание нежелание местных политических элит принимать участие в эффективном мирном процессе, который ведет к подлинному компромиссу. Гражданские общества должны работать с элитами изнутри, а международное сообщество - оказывать на них влияние извне для того, чтобы поменять их восприятие “затрат и выгод” (преимуществ и недостатков), связанных с мирным урегулированием конфликта.
- В то же время стороны конфликта, международное сообщество и посредники должны отказаться от подхода “сверху вниз”. Даже если на элиты будет оказано давление и их уговорят подписать компромиссное соглашение, компромисс будет устойчивым лишь тогда, когда есть спрос на такой компромисс внутри самих обществ. Попытка навязать обществам определенную модель урегулирования, к которой они не готовы, чревата серьезной дестабилизацией региона и эскалацией конфликта.
- Усилия международного сообщества не должны ограничиваться попытками найти “идеальную” модель решения конфликта. Оно также должно попытаться изменить психологический климат, преобладающие стереотипы и подходы. Таким изменениям могут помочь контакты на всех уровнях, особенно, гражданский диалог и другие меры, которые будут ставить под сомнение господствующий агрессивный и ксенофобский тон полемики. Это может потребовать международного давления на стороны конфликта, призывов к сторонам воздерживаться от воинственной риторики и языка вражды и способствовать (или

по крайней мере) допускать гражданские контакты.

- Важно признать, что Нагорно-Карабахская республика, хотя и не получившая признания международного сообщества, является важным политическим игроком, которого не могут адекватно представлять третьи стороны. Отказ от привлечения к процессу руководства НКР может серьезно повредить эффективности и надежности мирного процесса и поставить под сомнение осуществление соглашения, достигнутого без его участия.
- Процесс армяно-турецкой нормализации не должен ставиться в прямую зависимость от процесса урегулирования нагорно-карабахского конфликта. Наоборот, нормализацию армяно-турецких отношений можно рассматривать как одно из необходимых условий для развития устойчивого мирного процесса вокруг Нагорного Карабаха.